

СМЕХ МОЕГО НАРОДА. КОМИЧЕСКОЕ В УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МОРДВЫ

В. И. ДЕМИН,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских
литератур ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Мордовская смеховая культура, выраженная в жанрах устно-поэтического творчества, по своим формам чрезвычайно богата и разнообразна. Искрящееся остроумие и суровый сарказм, озорная шутка и язвительная насмешка, почти фотографичность в передаче деталей и явная гиперболлизация, переход от одной интонации к другой, прямо противоположной, противоречие между основным текстом и подтекстом, между содержанием и манерой исполнения и т. д. – все это приемы народной сатиры и юмора. В песне, частушке, сказке, паремическом творчестве мы находим всеобъемлющий народный смех – возвышающий и убивающий, легкий и суровый, светлый и беспощадный, окрашенный оттенками иронии и сарказма.

В песенном творчестве народ подвергает осмеянию несовместимые с трудовой и житейской моралью особенности характера и поведения людей: леность, жадность, скупость, воровство, пьянство и т. д. В них отрицательные черты рисуются гиперболически, осуждаемые персонажи ставятся в остро комические ситуации. Так, в песне «Нузяк Аганя» («Ленивая Агафья») девушка из-за своей лени дожила до того, что ей нечего даже надеть, и тогда она решила сшить себе платье из дубовых и кленовых листочков. Поднявшийся ветер разорвал платье, и Аганя «ошкуренным зайчиком осталась». В своем нерадивом отношении к делу далеко от Агани не ушла и героиня другой песни – «Нузяк Палага» («Ленивая Пелагея»). Как известно, безделье порождает пустые, «маниловские», мечтания, которые народ с ядовитым сарказмом обозначает коротко и метко: «Хворает голова». Недаром название песни «Луке-

рья сэреди» («Лукерья хворает») стало нарицательным. На вопрос, почему вечером рано ложится, утром поздно встает, Лукерья отвечает: «Поздно легла бы – лучин нет. Рано встала бы – огня нет». Подобные комические образы представлены и в некоторых других бытовых песнях, например, «Цёлак урьва» («Сноха-неумеха»), «Оря патяй» («Сестрица Арина»).

Особой иронией, нередко переходящей в сарказм, наполнены произведения, направленные против пьянства. В песне «Симинь-симинь – ирединь» («Пилапила – опьянела») у пьяной героини все валится из рук: вышла подоить корову – «подоила» красного быка, хотела лечь рядом с мужем – оказалась в обнимку с тем же быком. В характерных ситуациях оказываются и мелкий воришка Эрюма из одноименной песни, который спяна вместо девушки стал обниматься с чучелом, а потом хмельным уснул на муравейнике; и легкомысленная Анна («Анна-Аннушка»), которая так разгулялась в гостях, что оказалась обвенчанной с племянником-подростком. Столь же смешон тот, кто не может удержаться от чарки, потому что «любовь к друзьям сильна» («Вай, а симевлинь мон винадо» – «Ой, не пила бы я вина»).

Во всех сатирических песнях народ выставляет на «суд людской» портреты огромной силы, нарисованные с использованием всех богатств родного языка. Живые разговорные интонации, вытекающие из диалогов, – а диалог является непременным атрибутом мордовской песенной сатиры, – придают характерам особый комизм, подчеркивают несостоятельность притязаний сатирических персонажей, глубже раскрывают иронию исполнителя.

© Демин В. И., 2015

Иногда комизм целиком строится на само-разоблачении, как, например, в вышеназванной песне «Симинь-симинь – ирединь» («Пила-пила – опьянела»).

Своеобразным продолжением и итогом развития устно-поэтических традиций эрзян и мокшан в сатире и юморе стала частушка. Это самое позднее явление в фольклоре мордвы. Имеющиеся записи свидетельствуют о том, что мордовская частушка возникла в конце XIX в. как закономерное следствие развития национальных фольклорных традиций и проникновения русской частушки в мордовскую среду. Ряд произведений данного жанра устно-поэтического творчества отражает события, связанные с жизнью молодежи. «Отсюда, соответственно, и общий эмоциональный тон – веселый, жизнерадостный, шуточный, иронический, и они вряд ли кого обижали и оскорбляли» [8, 182].

В некоторых частушках насмешка перерастает в сатиру на нерадивых людей. В них, словно в смеховом зеркальном мире, проходит вереница различных сатирических типов: ленивых парней, хулиганов, которые своим поведением «заставляют побледнеть, перестать улыбаться»; сквернословов, которых из-за этого бросают девушки; пьяниц, у которых одно на уме – винные «стопочки глотать», и т. д. Иначе говоря, как и сатирическая песня, мордовская частушка утверждает нравственные нормы поведения человека в быту, в ней сконцентрирована огромная воспитательная сила народной педагогики. Она прямо называет имена тех, кто нарушает нормы человеческой морали и общечеловеческого поведения. По наблюдениям исследователей, мордовскому народу всегда было свойственно «художественно осваивать реальную действительность и своевременно реагировать на... изменения в общественной жизни и психологии людей» [1, 188].

Сатирическая частушка имеет свои оригинальные средства изображения и выражения этого жанра. Наиболее распространенной композиционной формой является монолог, исходящий от ведущего героя. Монолог часто выступает в своеобразной форме саморазоблачительной иронии, ко-

торая становится насмешкой над пародируемыми персонажами. Менее распространен диалогический тип, хотя встречаются даже массовые диалоги и спевки. В них молодежь соревнуется в остроумии, способности находить более острые формы для характеристики противоположной группы. В них комически изображаются различные стороны семейно-бытовой жизни сельчан, их характер, привычки.

Нередко смех достигается с помощью двучленного параллелизма: высмеиваемому лицу предшествует его комический аналог со своими претензиями или отталкивающим обликом. В этом отношении мордовская сатирическая частушка напоминает не только русскую частушку, но и татарские, башкирские и удмуртские такмаки, выражающие определенное, в основном комическое, отношение к чему-либо и имеющие характер импровизации, своеобразного комического экспромта. Комическими аналогами сатирических персонажей в двучленных параллелизмах часто выступают представители животного или неодушевленного мира, если они напоминают что-либо смешное в человеке или в его поведении, вызывают привычные ассоциации или намек на сатирический образ или явление. В этих частушках благодаря комическому параллелизму звучит острая народная ирония или веселая насмешка:

Пандо прясю баран пары,
Кияк кором а каи.
Майданонь тейтертне вадрят,
Кияк урьвакс а саи.

На горе баран блеет,
Никто корма не дает.
Майданские девчата хорошие,
Никто замуж не берет [10, 109].

Лексика сатирической частушки сохраняет в себе живость разговорной речи, которая создается употреблением междометий, каламбурных и народно-этимологических выражений. Они нередко содержат меткие афоризмы, бытующие в устной речи в качестве пословиц и поговорок. Смеховую интонацию усиливают разнообразные эпитеты и сравнения. Она достигается также

нарочитым сочетанием русских и мордовских слов.

В то же время в силу своего лаконизма даже самая меткая частушка ограничена в своих возможностях, в ней нет места для широкой картины. Если, например, сатира песни нередко маскируется иносказанием и сложной системой образов, то сатира частушки вся на виду. В этом она уподобляется сатирической сказке, где лицо осмеиваемого персонажа показывается конкретно и зримо.

Следует сказать, что многие мордовские сказочные сюжеты напоминают русские. Русско-мордовская общность проявляется в них как за счет типологического сходства, так и за счет влияния русской сказки. Наряду с этим исследователи приводят немало убедительных примеров того, что «...мордовская сказка обнаруживает и существенные различия, оригинальность в сюжетах, мотивах и поэтических особенностях, в связях с бытом, с историей, возникшей с древнейших времен национальной культурой, воззрениями народа» [5, 204]. Сатирические сказки рассматриваются ими в разделе бытовых сказок, ибо они часто осмысливаются рассказчиками и слушателями вовсе не как вымысел, а как рассказ о реальных, бывших в действительности событиях. В то же время сатирой и юмором пронизаны все разновидности мордовской сказки.

В русских сказках о животных образы зверей всегда наделены человеческими характерами и чертами, обусловленными общественными отношениями людей. Многие сюжеты этих произведений устно-поэтического творчества имеют глубокий социальный смысл. В них живет мотив всепобеждающей хитрости, с помощью которой слабый побеждает сильного и хищного, честный – злого и коварного. Подвергаются осмеянию недостатки и пороки человеческого характера: жадность и тупоумие (волк, поддавшись уговорам лисы, опускает хвост в прорубь, рассчитывая таким образом поймать много рыбы); трусость (мышь, крыса, заяц и волк, испугавшись упавшего сверху желудя, от страха ничего вокруг не видя, побежали

и свалились в глубокую яму); неуместная доверчивость, недогадливость (лиса, съевшая украдкой мед, обвиняет в этом добродушного медведя, и тот признается в хищении) и т. п. Образы зверей воспринимаются аллегорически, и в этом смысле сказка о животных приближается к устной басне, вернее, является ею.

Аналогичное положение наблюдается в фольклоре других народов, в том числе финно-угорских. Так, удмуртский фольклорист Д. А. Яшин, характеризуя сказки родного народа, замечает: «Сказки о животных – это не забавные истории о повадках и похождениях животных, а подчеркнуто-аллегорические повествования, имеющие глубокий социальный смысл. Образы диких зверей и домашних животных напоминают характеры отдельных людей» [11, 75]. Нельзя не согласиться с Д. М. Молдавским, утверждающим, что «все это сближает сказки о животных с сатирическими» [6, 97].

Наблюдения исследователей в полной мере относятся и к мордовской волшебно-фантастической сказке. В ней, как и в животном эпосе, с эстетических позиций показывается победа добра над злом. Герой – обычно остроумный, озорной бедняк-мордвин – в процессе труда часто вступает в единоборство с Вирявой (Хозяйкой леса), Ведявой (Хозяйкой воды), Кудавой (Хранительницей дома), гномом Куйгорожем, другими демоническими силами, которые оказываются обманутыми, одураченными в результате хитрости и ловкости проделок мужика.

В эрзянской сказке «Атякш Ёга ды Кулома» («Атякш Ёга и Смерть») повествуется о том, как старик-мордвин одурачил Безносую, которая пришла за его душой. Атякш Ёга три раза обвел Смерть вокруг пальца. Сначала отпросился к попу за отпущением грехов, а сам пошел гулять в кабак. После гулянья пустился в пляс. Затем приклеил Безносую к стене. Таким образом, Смерть, как, например, и в античном мифе о Сизифе, попадает в ловушку. В других мордовских сказках «Кулома» («Смерть»), «Маштыкс» («Лихорадка») герой также побеждает Смерть, хи-

тостью заманивая ее в бутылку, гроб, мешок. В этом отношении данные произведения близки к русской легенде «Солдат и Смерть», в которой служивый заточает Смерть в гроб, пустую скорлупу ореха, волшебную трубу и пр.

В сказках показаны жизнелюбие мордвина, его сноровка и настойчивость в преодолении трудностей, стремление возвыситься над демоническими силами природы, проявленное посредством их осмеяния. Подвергнутый осмеянию демон, другие сверхъестественные существа всегда оказываются одураченными ловкими действиями человека, использующего для этого различные орудия труда, предметы обихода. Обрисовка героя, вся поэтическая условность исходят из идейного замысла произведения. Все мифологические существа в сказочном эпосе эрзян и мокшан живут и действуют, как люди, обладают теми же чертами. В образах своих антиподов крестьянский люд «видел что-то бесовское, не людское, и поэтому они стали как бы сродни таинственным, злым силам природы» [9, 16]. Особенно сильно это проявляется в сказках бытового характера, в которых, с усилением социальных противоречий, отчетливо проявляется антагонизм противостоящих сил, мифологические сюжеты и мотивы отходят на второй план. Все участники представляемых событий – люди, действие происходит в реальной обстановке.

По свидетельству очевидцев, жизнь мордовского народа в «эпоху пороха и свинца» была очень тяжелой. Так, согласно наблюдениям писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, полученным в нашем крае, здесь царили непосильные налоги и всевозможные поборы [3, 200]. Другой сатирик и общественный деятель И. В. Селиванов, описывая Саранск того времени, писал, что в городе «...и чиновники, и купечество дуются в карты, как говорится, напропалую... Вплоть до утра господ эти сидят за картами, а поутру, с заспанными глазами, ползут по судам и там дремлют; в двенадцать же часов... во всех судах хоть шаром покати – нет никого... А живут они себе, право, припеваю-

чи: точно птицы небесные, – ...не сеют, а сыты живут» [цит. по: 3, 112].

В бытовой сатирической сказке бедный люд получает за его мрачную тяжелую жизнь своеобразную «компенсацию». Выдвигая из своей среды веселого, неунывающего, всегда верного собственной социальной группе героя, народ в сказке непременно берет верх в поединке с сильными мира сего. Поединок носит комический характер. Герой выглядит простаком, но на самом деле умен и находчив. Иначе невозможно выставить в истинном свете лицо противоположной стороны. Это свидетельствует о богатстве функции главного героя мордовской сатирической сказки. Являясь двигателем сюжета, он помещает осмеиваемых персонажей в комические обстоятельства, где те разоблачают себя. Таким образом сказка становится сатирической. Каждый нюанс, элемент композиционного строя преследует единственную цель – выставить представителей властей предрержащих на всеобщее посмеище. Среди средств осмеяния преобладают гиперболы, гротеск, элементы сатирического портрета, сатирического и юмористического диалога, психологической характеристики, а также едкой иронии.

Будучи художественной спецификой данного жанра, ирония присутствует в произведениях всех тематических групп мордовской бытовой сказки, и прежде всего в сказках о попах, которых в устном творчестве эрзян и мокшан немало. На наш взгляд, это объясняется двумя причинами. Во-первых, сказки о представителях культа являлись своеобразным протестом против существовавшего порядка, связанного с силовыми методами крещения мордвы и с закрепощением части эрзян и мокшан. Во-вторых, если основные угнетатели крестьян, помещики и бояре, чаще всего проживали на стороне, особенно в пореформенную эпоху, духовенство находилось рядом, нередко образом своей жизни противореча той морали и нравственным нормам, которые проповедовало. В лице сказочного попа, близкого к реальному священнослужителю, предстает человек корыстный и низменный, но

поучающий святости. В то же время бытовая сказка изображает его суеверным, трусливым, не верящим в борьбе с нечистым в силу Божьего слова. Так, в эрзянской сказке «Чёрт Иван» поп принял измазанного дегтем и облепленного перьями голого мужика за нечистого и так испугался, что даже заболел и через некоторое время умер. Надо признать, что в целом мордовская бытовая сказка, осмеивая недостатки различных персонажей, относится к ним гуманно, как правило, не истребляет их. Лишь в некоторых произведениях осуждаемые персонажи погибают, но сказка фиксирует внимание не на смерти, а на действиях, приводящих к этому. Именно на это направлен смех.

Народный смех, то хитрый, то ироничный, то глубоко саркастический, звучит в адрес духовенства и в других мордовских сказках: «Кода попонтъ буканзо тустъ мастор алов» («Как поповские быки провалились»), «Попонтъ ликшанзо мекев стясть» («Поповская гречиха вновь поднялась»), «Кискантъ калмизь ломанькс» («Собаку по-человечески похоронили»), «Зняронъ эчкэ модась» («Какая толщина у земли»), «Кшуманъ Петя» («Хренов Пётр») и т. д. В них мужик, умный, хитрый, ловкий, при первой возможности старается наказать попа. Герой в этих сказках может выступать и в качестве ловкого вора, хотя воровство в мордовских деревнях всегда считалось преступлением. В сказках подобные поступки в отношении властителей мира сего не только не осуждаются, но даже поощряются.

В пользу мужика конфликт решается и в сказках о мужике и барине. В них барин изображается заносчивым и глупым, из-за чего часто оказывается битым и одуроченным. В сказке «Пси нурдт» («Горячие сани»), встретив мужика, который, несмотря на ядреный мороз, едет на своей лошаденке разгоряченный, без шапки и рукавиц, поскольку всю дорогу помогал своей каурой тащить нехитрую поклажу, барин тут же предлагает ему обменяться санями. Пожеманившись для вида, старик говорит: «Ладно, уступлю тебе сани, только вместе с лошадей: я тебе отдам лошадь с упря-

жью, а ты мне свою тройку» [6, 356]. Обрадовался барин. Отдал тройку с санями и тулуп в придачу, сам взял клячу мужика. Развалился в санях, снял шапку, рукавицы и стал ждать, когда согреется. Сидел-сидел, посинел весь, но и тогда не понял, что его просто обвели вокруг пальца.

Развитие сюжета в сказке идет по восходящей линии. Почти каждая фраза героя скрывает тонкую насмешку. Поединок между мужиком и барином носит комический характер. Герой, обладая остроумием и находчивостью, убедительно раскрывает истинную сущность своего противника. Это находит выражение и в других сказках: «Каванизь бояронть тувонзо» («Угостили боярских свиней»), «Сигней ды Хрола» («Сигней и Хрол»), «Чаронь тейниция» («Колесник»), «Антипка», «Ёфкс нужать колга» («Сказка о нужде»), «Шут Максим», «Нестер» и т. д.

Народ не обходит стороной и отрицательные черты в характере людей из собственной среды: лень («Кезэренъ ёвкске» – «Старая сказочка»), сварливость («Атя, кузнец, плотник» – «Мужик, кузнец, плотник»), пьянство («Утомсо чёрт» – «Черт в амбаре») и другие не менее осуждаемые пороки, противоречащие общественной и бытовой морали.

Вплотную к бытовым сказкам приближаются сказки-небылицы, небывальщины, изображающие события наизнанку, противоречащими общепринятой логике, жизненной правде. Таковы, например, сюжеты сказок о человеке, который, безуспешно пытаясь засунуть в дупло руку, залезает туда сам или поднимается на небо и спускается оттуда по веревке, свитой из дыма или мякины, и т. п. Перед нами предстает удивительный мир, в котором все сдвинуто и поставлено с ног на голову, хотя изложение стройно и логично, увлекательно и остроумно. Оно позволяет думать, что именно от таких художественных форм фольклора, в которых дана остроумно придуманная ситуация, лишённая смысла, зародились приемы литературной сатиры – гротеск и фантастика.

Таким образом, мордовская сатирическая сказка как сложный повествователь-

ный жанр отличается бытовой конкретностью и четко выраженной композицией, что приближает ее к сатирико-юмористической новелле. В ней воплощены многие черты национального характера: остроумие, природный оптимизм, жизнерадостность и жизнелюбие, упрямство в хорошем смысле этого слова («упрямый, как мордвин»), помогающие бедному крестьянину выйти победителем из всех жизненных трудностей. Смеховая палитра в таких сказках, зависящая от решаемых героем задач и его роли, звучит в разных вариациях: добродушно, весело, иронично, лукаво, саркастически, негодуяюще, весело... Герой выступает как катализатор смеха. Его речь, словно янтарное ожерелье, искрится пословицами, присловицами, поговорками, другими произведениями паремического творчества и оттого кажется сочной, красочной, выразительной.

Вообще, смеховой паремический мир мордвы – самобытное явление в устном словесном творчестве народа. Он характеризуется огромным богатством смеховых красок, которые, отрицая и утверждая, выражают специфическую оценку народом существующей действительности, его взгляды на жизнь. Это – яркий пример краткого и меткого представления им «художественной интерпретации национального характера», стремления «отразить сложные противоречивые явления истории, дать... почувствовать эпоху со свойственной ей психологией и философией, особенным национальным колоритом» [2, 33].

В пословичных формах мордвы резко и сурово осуждаются такие человеческие пороки и недостатки, как лень (*Эрят нузакчисэ – аштят берянь кисэ* «В лени жить – в нужде бывать»), неумелость (*Учат цёлак авань пача – кадоват вачо* «Блин нерадивой жены ждать – будешь голодать»), хвастовство (*Прянь шнафтomasь – дуракишинь няфтема* «Себя хвалить – дурость свою показывать»), жадность и скупость (*Жадной сельмесь зярдояк а пешкеди* «Жадный глаз никогда не насытишь»), воровство (*Воронь сельмесь – врьгазонь сельме* «Воровской

глаз – волчий глаз»), коварство (*Прят ре-векс иля тее – верьгиз сэвтянзат* «Не делай из себя овечку – волки съедят»), пьянство (*Кие вечксы рюмканть, се сайсы сумканть* «Кто любит рюмку, тот наденет сумку»), предрассудки (*Кие аньфтема приметас правты, ся эсь прянц юмафты* «Кто дурным приметам верит, тот себя губит») и др. Образ создается с помощью удачного сравнения, антитезы. Выражения используются в переносном смысле, иносказательном толковании. Часто комизм достигается сопоставлением определенных черт человека с повадками животных, убедительно точно передающими природу осмеиваемого порока. Именно эта сторона образности пословиц обратила на себя внимание Н. В. Гоголя, который писал: «Сверх полноты мыслей уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших; в них есть все: издевка, насмешка, попрек, словом – все шевелящее и задевающее за живое» [4, 164].

Яркой смеховой палитрой отличаются также выражения, которые по своим стилистическим качествам и функциям применения в известной степени приближаются к собственно пословицам: *Сон а сими, ансяк копори* «Он не пьет, а только выпивает», *Минек Устя яла истя: сонсь а викини, палят микини* «Наша Устя всегда так: сама не шьет, а платья продает», *Прязо вейке, ды пулонзо сисем* «Голова одна, да хвостов семь», *Ляпот кяденза, да оржат кянженза* «Руки мягкие, да пальцы острые», *Сон ронгс хоть виш, аньцек тевса мезьге аф тиш* «Он сильный хоть куда, только на деле никуда», *Кяшенди, бта нумол* «Прячется, как заяц».

Среди пословичных и присловичных выражений сатирико-юмористического характера, являющихся признанными образцами народной мудрости, в паремическом творчестве эрзян и мокшан существуют также прибаутки, афоризмы, присказки, считалки, заклички, скороговорки. Обширную область составляют поговорки, которые, как и присловья, бодрят, задорно смешат. В подобной функции выступает и загадка (*содамоёвкс, со-*

дамоефкс), – несомненно, одна из наиболее любимых и популярных видов устно-поэтического творчества мордвы: *Горбон врьгазсь сембе розь паксятъ ётазе* «Горбатый волк все ржаное поле переходил» (Веник); *Дарине марто Марине карадо-каршо ванить* «Дарья с Марьей смотрят друг на друга» (Потолок и пол); *Лыким-лаким Олдоким, илямак тока – лавон прыть* «Лыким-лаким Олдоким, не тревожь меня – отруби мои выпадут» (Решето); *Унду пяше, горь-горь, сьявань пря – дяр-дяр* «Дуплистая липа, горь-горь, козлиная голова – дяр-дяр» (Пахтанье

масла); *Мзярда ёньфтомась ёню?* «Когда дурак умным бывает?» (Когда молчит); *Мезьста мацись уема туй?* «От чего гусь плавает?» (От берега) и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на небольшой размер и отсутствие развитого сюжета, мордовская загадка вместе с другими жанрами устной словесности помогла народной смеховой культуре достичь достаточно высокого художественного уровня, обусловившего интенсивность и органичность «диалога» с литературными жанрами сатиры и юмора.

Поступила 26.04.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Антонов, Ю. Г. Своеобразие конфликта и жанровая специфика пьес «Хуторок» и «Орда» А. Пудина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 4 (24). – С. 188–194.
2. Антонов, Ю. Г. Историко-биографический жанр в национально-художественном дискурсе Мордовии / Ю. Г. Антонов, С. В. Шеянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1 (81). – С. 31–36.
3. Воронин, И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии / И. Д. Воронин. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1976. – 336 с.
4. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений. – Москва : Художественная литература, 1950. – Т. 6. – 432 с.
5. Маскаев, А. И. Сказки // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. – Саранск, 1975. – С. 167–204.
6. Молдавский, Д. М. Товарищ Смех / Д. М. Молдавский. – Ленинград : Лениздат, 1981. – 344 с.
7. Мордовские народные сказки. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1985. – 400 с.
8. Самошкин, А. Г. Частушки // Мордовское устное народное творчество. – Саранск, 1987. – С. 180–189.
9. Уваров, А. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры / А. Н. Уваров. – Ижевск : Удмуртия, 1979. – 132 с.
10. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1969. – Т. 5. – 240 с.
11. Яшин, Д. А. Удмуртская народная сказка / Д. А. Яшин. – Ижевск : Удмуртия, 1965. – 135 с.
1. Antonov, U. G. (2012), Specific features of the conflict and the genre specificity of the play “Little Farm” and “Horde” by A. Pudina, Bulletin of the Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, № 4 (24), p. 188–194.
2. Antonov, U. G., Sheyanova, S. V. (2014), Historical and biographical genre in the national artistic discourse in Mordovia, Bulletin of I. Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, № 1 (81), p. 31–36.
3. Voronin, I. D. (1976), Literary figures and Literary places in Mordovia, Saransk: Mordovia Press.
4. Gogol, N. V. (1950), Collected works, Vol. 6, Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
5. MaskaeV, A. I. (1975), Mordovian folk fairytales of oral poetry, Saransk: Mordovia Press.
6. Moldavski, D. M. (1981), Comrade Laughter, Leningrad: Lenizdat.
7. Mordovian folk fairytales (1985), Saransk: Mordovia Press.
8. Samoshkin, A. G. (1987), Ditties, Mordovian folklore, Saransk: Mordovia Press, p. 80–89.
9. Uvarov, A. N. (1979), Artistic originality of Udmurt satire, Izhevsk: Udmurtia.
10. Oral-poetry of Mordovian people in 8 Vol., Vol. 5 (1969), Saransk: Mordovia Press.
11. Yashin, D. A. (1965), Udmurt folk fairytale, Izhevsk: Udmurtia.